

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПОВОЛЖСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ

№ 1 (39)
2022

Главный редакторчлен-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук **А.Г. Ситдиков****Заместители главного редактора:**член-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук **Ф.Ш. Хузин**доктор исторических наук **Ю.А. Зеленева**Ответственный секретарь – кандидат ветеринарных наук **Г.Ш. Асылгараева****Редакционный совет:**

Б.А. Байтанаев – академик НАН РК, доктор исторических наук (Алматы, Казахстан) (председатель), **Х.А. Амирханов** – академик РАН, доктор исторических наук, профессор (Москва, Россия), **С.Г. Бочаров** – кандидат исторических наук (Севастополь, Россия), **П. Георгиев** – доктор наук, доцент (Шумен, Болгария), **Е.П. Казаков** – доктор исторических наук (Казань, Россия), **Н.Н. Крадин** – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Владивосток, Россия), **А. Тюрк** – PhD (Будапешт, Венгрия), **А.А. Тишкин** – доктор исторических наук профессор (Барнаул, Россия), **В.С. Синика** – кандидат исторических наук (Тирасполь, Молдова), **Б.В. Базаров** – академик РАН, доктор исторических наук, профессор (Улан-Удэ, Россия), **Д.С. Коробов** – доктор исторических наук, профессор РАН (Москва, Россия), **О.В. Кузьмина** – кандидат исторических наук (Самара, Россия), **П. Дегри** – профессор (Лёвен, Бельгия), **Вэй Джан** – Ph.D, профессор (Пекин, Китай).

Редакционная коллегия:

А.А. Выборнов – доктор исторических наук, профессор (Самара, Россия)
М.Ш. Галимова – кандидат исторических наук (Казань, Россия)
Р.Д. Голдина – доктор исторических наук, профессор (Ижевск, Россия)
С.В. Кузьминых – кандидат исторических наук (Москва, Россия)
А.Е. Леонтьев – доктор исторических наук (Москва, Россия)
Т.Б. Никитина – доктор исторических наук (Йошкар-Ола, Россия)
А.А. Чижевский – кандидат исторических наук (Казань, Россия)

Ответственный за выпуск:**А.А. Чижевский** – кандидат исторических наук**Адрес редакции:**

420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30

Телефон: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru**http://archaeologie.pro**

Индекс ПП1753,

электронный Каталог печатных изданий "ПОЧТА РОССИИ"

Выходит 4 раза в год

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **A. G. Sitdikov**

Deputy Chief Editors:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences **F. Sh. Khuzin**
Doctor of Historical Sciences **Yu. A. Zelenev**
Executive Secretary – Candidate of Veterinary Sciences **G. Sh. Asylgaraeva**

Executive Editors:

B. A. Baitanayev – Academician of the Nacional Academy of the RK, Doctor of Historical Sciences (Almaty, Republic of Kazakhstan) (chairman), **Kh. A. Amirkhanov** – Academician of RAS, Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow, Russian Federation), **S. G. Bocharov** – Candidate of Historical Sciences (Sevastopol, Russian Federation), **P. Georgiev** – Doctor of Historical Sciences (Shumen, Bulgaria), **E. P. Kazakov** – Doctor of Historical Sciences (Kazan, Russian Federation), **N. N. Kradin** – Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation), **A. Türk** – PhD (Budapest, Hungary), **A. A. Tishkin** – Doctor of Historical Sciences, Professor (Barnaul, Russian Federation), **V. S. Sinika** – Candidate of Historical Sciences (Tiraspol, Moldova), **B. V. Bazarov** – Academician of RAS, Doctor of Historical Sciences, Professor (Ulan-Ude, Russian Federation), **D. S. Korobov** – Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow, Russian Federation), **O. V. Kuzmina** – Candidate of Historical Sciences (Samara, Russian Federation), **P. Degryse** – Professor (Leuven, Belgium), **Wei Jian** – Ph.D, Professor (Beijing, China).

Editorial Board:

A. A. Vybornov – Doctor of Historical Sciences, Professor (Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara, Russian Federation)
M. Sh. Galimova – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)
R. D. Goldina – Doctor of Historical Sciences, Professor (Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation)
S. V. Kuzminykh – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
A. E. Leont'ev – Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
T. B. Nikitina – Doctor of Historical Sciences (Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasilyev, Yoshkar-Ola, Russian Federation)
A. A. Chizhevsky – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

Responsible for Issue

A. A. Chizhevsky – Candidate of Historical Sciences

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

<http://archaeologie.pro>

© Tatarstan Academy of Sciences (TAS), 2022

© Mari State University, 2022

© “Povolzhskaya Arkheologiya” Journal, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Воробьева Е.Е. (Казань, Россия)</i> Традиции и новации в домостроительстве поздневолосовского населения Марийского Поволжья	8
<i>Борзунов В.А. (Екатеринбург, Россия), Кузьминых С.В. (Москва, Россия)</i> Изделия из цветного металла памятника Серный Ключ в горах Среднего Урала	17
<i>Анкушева П.С., Анкушев М.Н. (Миасс, Россия), Алаева И.П. (Челябинск, Россия), Фомичев А.В. (Орск, Россия), Блинов И.А., Артемьев Д.А. (Миасс, Россия)</i> Медеплавильный горн на древнем руднике Новотемирский.....	34
<i>Купцова Л.В., Евгенийев А.А. (Оренбург, Россия)</i> Погребения эпохи бронзы II курганного могильника у с. Второе Имангулово (Оренбургское Предуралье)	49
<i>Берсенева Н.А. (Екатеринбург, Россия)</i> Детские погребения срубной культуры Южного Урала. Изучение возрастных групп и этапов социализации детей	61
<i>Васильев В.Н. (Бонн, Германия), Исмагил Р., Рафикова Я.В. (Уфа, Россия)</i> Агеевский курганный могильник эпохи поздней бронзы в Башкирском Зауралье	71
<i>Швецова А.А. (Н.Новгород, Россия)</i> Система орнаментации керамических сосудов поздняковской культуры позднего бронзового века на территории Волго-Окского Правобережья	87
<i>Лыганов А.В. (Казань, Россия), Морозов В.В., Смирнов А.Л. (Москва, Россия), Храмченкова Р.Х. (Казань, Россия)</i> Металлические изделия позднего бронзового века Татарско-Азибейской III стоянки в устье р. Белой	104
<i>Наджафов Ш.Н. (Баку, Азербайджан)</i> Некрополь Газыгулу – памятник ходжалы-гедабекской культуры позднего бронзового – раннего железного века бассейна реки Товуз	118
<i>Agalarzade A.M. (Баку, Азербайджан)</i> Grave Monuments in South–Eastern End of the South Caucasus: Late Bronze – Early Iron Age Kurgans	130
<i>Добровольский Л.С., Сыдыков Е.Б., Умиткалиев У.У., Каженова Г.Т. (Нур-Султан, Казахстан)</i> Происхождение скифов Северного Причерноморья: проблематика, гипотезы и перспективы	145
<i>Чижевский А.А. (Казань, Россия)</i> Каменные молоты ананьинской культурно-исторической области	159

<i>Асылгараева Г.Ш., Оруджов Э.И., Старков А.С. (Казань, Россия)</i>	
Археозоологический комплекс Макарьевского городища	178
<i>Головченко Н.Н., Демин М.А. (Барнаул, Россия)</i>	
Золотая пластина с изображением рогатого животного с Северного Алтая: традиции звериного стиля и художественный эксперимент.....	190
<i>Хохлов А.А. (Самара, Россия), Газимзянов И.Р. (Казань, Россия), Сташенков Д.А. (Самара, Россия)</i>	
О распространении традиции искусственной деформации головы на северных окраинах Волго-Уралья (эпоха бронзы и ранний железный век).....	204
<i>Казанцева О.А., Сунцова Н.Ю. (Ижевск, Россия)</i>	
К вопросу о погребальных конструкциях Кудашевского I могильника	221
<i>Новиков В.В. (Москва, Россия)</i>	
Воздушное лазерное сканирование на базе БПЛА для изучения объектов археологии в европейской части России	232
Список сокращений	247
Правила для авторов	250

CONTENT

<i>Vorobeva E.E. (Kazan, Russian Federation)</i> Traditions and Innovations' in Housebuilding of the Later Volosovo Population of the Mari Volga Region.....	8
<i>Borzunov V.A. (Yekaterinburg, Russian Federation), Kuzminykh S.V. (Moscow, Russian Federation)</i> Non-Ferrous Metal Products of the Monument Serny Klyuch in the Mountains of the Middle Urals.....	17
<i>Ankusheva P.S., Ankushev M.N. (Miass, Russian Federation), Alaeva I.P. (Chelyabinsk, Russian Federation), Fomichev A.V. (Orsk, Russian Federation), Blinov I.A., Artemiev D.A. (Miass, Russian Federation)</i> The Copper Smelting Furnace at the Novotemirsky Ancient Mine.....	34
<i>Kuptsova L.V., Evgenyev A.A. (Orenburg, Russian Federation)</i> The Burials of the Bronze Age of the II Burial Mound near the Village Vtoroe Imangulovo (Orenburg Pre-Urals).....	49
<i>Berseneva N.A. (Yekaterinburg, Russian Federation)</i> Children's Burials of the Srubnaya Culture in the Southern Urals. Research in the Age Groups and Stages of Children Socialization	61
<i>Vasiliev V.N. (Bonn, Germany), Ismagil R., Rafikova Ya.V. (Ufa, Russian Federation)</i> The Ageyevsky Burial Mound of the Late Bronze Age in the Bashkir Trans-Urals	71
<i>Shvetsova A.A. (N. Novgorod, Russian Federation)</i> The Ornamentation System of Ceramic Vessels of the Pozdnyakovo Culture in the Late Bronze Age on the Territory of the Volga-Oka Right Bank.....	87
<i>Lyganov A.V. (Kazan, Russian Federation), Morozov V.V., Smirnov A.L. (Moscow, Russian Federation), Khramchenkova R.Kh. (Kazan, Russian Federation)</i> Late Bronze Age Metal Items from Tatarsky-Azibey III Site in the Mouth of the Belaya River.....	104
<i>Najafov Sh.N. (Baku, Azerbaijan)</i> Necropol Gazigulu – Late Bronze–Early Iron Ages Site of the Khojaly-Gedabey Archaeological Culture in Bassin of Tovuzchay River	118
<i>Agalarzade A.M. (Baku, Azerbaijan)</i> Grave Monuments in South–Eastern End of the South Caucasus: Late Bronze – Early Iron Age Kurgans	130
<i>Dobrovolskiy L.S., Sydykov E.B., Umitkaliev U.U., Kazhenova G.T. (Nur-Sultan, Kazakhstan)</i> Origin of the Scythians of the Northern Black Sea Region: Issues, Hypotheses and Prospects.....	145

<i>Chizhevsky A.A. (Kazan, Russian Federation)</i>	
Stone Hammers of Ananyino Cultural and Historical Area.....	159
<i>Asylgaraeva G.Sh., Orudzhov E.I., Starkov A.S. (Kazan, Russian Federation)</i>	
Archaeozoological Complex of the Makaryevskoye Hillfort.....	178
<i>Golovchenko N.N., Demin M.A. (Barnaul, Russian Federation)</i>	
The Golden Plate with the Picture of the Horned Animal from the Northern Altai: the Traditions of Animal Style and the Artistic Experiment	190
<i>Khokhlov A.A. (Samara, Russian Federation), Gazimzyanov I.R.</i> <i>(Kazan, Russian Federation), Stashenkov D.A. (Samara, Russian Federation)</i>	
On the Spread of the Tradition of Artificial Deformation of the Skull on the Northern Outskirts of the Volga-Urals (the Bronze and Early Iron Ages)	204
<i>Kazantseva O.A., Suntsova N.Yu. (Izhevsk, Russian Federation)</i>	
To the Question about Burial Constructions of the Kudash I Burial Ground	221
<i>Novikov V.V. (Moscow, Russian Federation)</i>	
UAV Lidar for Investigation Archaeology Sites in European Part of Russian Federation	232
List of Abbreviations.....	247
Submissions	250

ДЕТСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ ЮЖНОГО УРАЛА. ИЗУЧЕНИЕ ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП И ЭТАПОВ СОЦИАЛИЗАЦИИ ДЕТЕЙ

© 2022 г. Н.А. Берсенева

Исследование посвящено детским погребениям из могильников срубной культуры эпохи бронзы Южного Урала. Теоретической основой работы послужило предположение, что погребальный инвентарь связан с гендером и возрастом умерших, и может также отражать этапы взросления детей и включения их в хозяйственную жизнь сообщества (гендерная и трудовая социализация). Была проанализирована выборка, включавшая 178 определенных антропологически индивидов, умерших в возрасте до 15 лет. Выборка была разбита на три возрастные подгруппы с целью уловить динамику распределения погребального инвентаря в соответствии с возрастом и проследить этапы социализации детей. Изучение показало, что дети, умершие до достижения двух лет, сопровождалась в подавляющем большинстве случаев гендерно-нейтральным инвентарем (посуда) или погребались совсем без него. После достижения 2-летнего возраста инвентарь становится более разнообразным и его количество возрастает, но незначительно. Можно предположить, что гендерная социализация начиналась в возрасте 2–3 года, но чаще маркировался пол девочек, чем мальчиков. Изучение возрастной динамики демонстрирует, что по мере взросления количество украшений увеличивалось, в то время как иные предметы были, по-прежнему, единичны. Трудовая социализация детей не нашла отражения в погребальном обряде. Перспектива исследования видится в расширении источниковой базы и дальнейшем анализе артефактов, включая керамический материал.

Ключевые слова: археология, Южный Урал, бронзовый век, срубная культура, детские погребения, гендер, возраст, социализация.

Введение

Детские погребения срубной культуры Южного Урала до сих пор не выступали предметом специального исследования. Между тем накопленная источниковая база весьма обширна, и за последние два десятилетия серьезно возросло количество памятников, материалы которых были исследованы антропологами. Наличие такого массива данных позволило перейти к социальному анализу источника, прежде всего к реконструкции гендерных и возрастных социальных групп. С этой точки зрения анализ детских погребений особенно важен, поскольку дети составляли наиболее значительную часть как живой, так и погребенной популяции. Принципы и возможности реконструкции гендерных и возрастных структур, а также этапов социализации детей нашли отражение в более ранних публикациях автора данной статьи, что позволяет

избежать их повторения (Берсенева, 2010, 2011, и т. д.).

Детские захоронения срубной культуры Южного Урала с социальной точки зрения ранее в литературе почти не анализировались. Исключение составляет краткий обзор А.П. Бужиловой в монографии, посвященной памятникам Каргалов (Бужилова, 2005). Возрастным аспектам погребального обряда западных регионов срубной общности был посвящен ряд статей (Цимиданов, 2008, 2010; Балабанова, 2018; и др.), в которых рассматриваются детские погребения от Приуралья до Днепра. В последнее время наметился прогресс в исследовании палеопатологических изменений, обнаруженных на детских останках (Бужилова, 2005; Луайе, Шарапова, 2017; Murphy, Khokhlov, 2016), что также вносит ценный вклад в реконструкцию образа жизни детей и этапов их роста.

Главной целью предлагаемого исследования является выявление и социальная интерпретация «культурно»-осознаваемых возрастных групп срубной культуры Южного Урала. Парадокс заключается в том, что это может произойти только в результате анализа археологического материала, однако для начала необходимо сгруппировать погребенных по биологическим возрастным категориям. Наиболее приемлемым в этом случае автору представляется простое трехчастное деление жизненного цикла, принятое в демографии: незрелые, или «дети» (*juvenile* (i. e. *pre-adult*); до 15 лет), «взрослые» (*prime adult*) и «старшие взрослые» (*old adult*; после 45–50 лет) (Chamberlain, 2006, p. 16; Lewis, 2011, table 1). Первая категория – *дети* – физически и социально незрелы и зависимы от взрослых; им присущ самый высокий уровень смертности среди всех возрастных классов. *Взрослые* характеризуются физической и репродуктивной зрелостью, а также самой низкой смертностью. Переход от *взрослой* стадии к *старшей взрослой* менее точно определяется хронологически, но маркируется снижением женской фертильности и возрастанием смертности среди обоих полов (Chamberlain, 2006, p. 17). Границы между этими возрастными интервалами отражают важные психологические и поведенческие изменения в жизни индивида, но могут слегка сдвигаться для разных полов. Таким образом, под термином «дети» мы понимаем индивидов, умерших до достижения 15 лет.

Далее для удобства анализа и выявления динамики эта большая возрастная группа была разбита на три подгруппы: 0–2 года (младшая возрастная группа); 2–10 лет (старшая возрастная группа) и 10–15 лет («подроски»).

Анализ источников

Источниковая база данной работы

включает девять базовых могильников, материалы которых обрабатывались антропологами. Большинство из них приходится на Южное Приуралье: Боголюбовский (Моргунова, Гольева, Евгеньев и др., 2014); Плешановский II (Крюкова, Евгеньев, Купцова и др., 2012); Скворцовский (Моргунова, Гольева, Дегтярева и др., 2010); Лабазовский (Моргунова, Гольева, Евгеньев и др., 2009); Першин (Каргалы..., 2005); Уранбаш-южный (Моргунова, 2005); Комиссаровский (Богданов, 2005). Для Южного Зауралья базовым стал могильник Каменный Амбар-5 (Берсенева, Епимахов, 2017). Для Башкирского Приуралья – могильники Николаевский (Елена) (Исмагил, Морозов, Чаплыгин, 2009) и Старо-Ябалаклинский. Из последнего были учтены только погребения с половозрастными определениями (Горбунов, Морозов, 1991). Этот могильник по-прежнему остается самым крупным для территории всего Южного Урала. Всего в данной работе были изучены 178 детских погребений. Точный возраст смерти определен для 146 покойных.

Детские погребения составляют в среднем около 50% всех захороненных в южноуральских некрополях срубной культуры, но для разных памятников этот процент варьирует – от 32,1% в Лабазовском могильнике до 81,8% в Каменном Амбаре-5. При этом погребения детей самой младшей возрастной группы (до 2 лет) не показывают резкого количественного доминирования, как, например, в алакульской культуре. Они, как правило, уступают по численности старшей детской возрастной группе (от 2 до 10 лет) (рис. 1). Подобная ситуация была отмечена для памятников Нижнего Поволжья М.А. Балабановой, которая склонна объяснять этот факт плохой сохранностью костей младенцев, альтернативным погребальным обрядом или

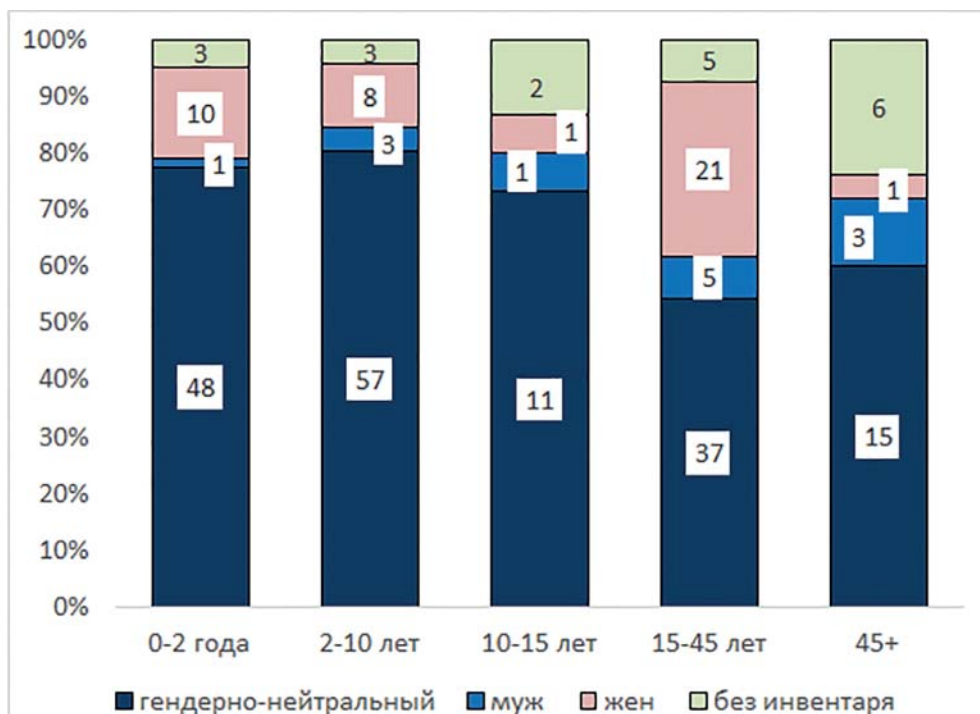

Рис. 1. Распределение гендерно-окрашенных артефактов в погребениях срубной культуры (по возрастным группам)

Figure 1. The distribution of gender-related artefacts in the Srubnaya burials (between age groups)

инфантицидом (Балабанова, 2018, с. 250–251).

Детские могильные ямы в срубных некрополях Южного Урала, как и взрослые, в абсолютном большинстве индивидуальные – 168 ям из 178 (94,4%). Обычно они довольно мелкие или даже не заглублены в материк. Видимо, все могилы так или иначе перекрывались, но деревянные перекрытия маленьких мелких ям часто не сохранялись (обнаружены лишь в 14 ямах). В южной и восточной части исследуемого ареала значительное количество детских могил было перекрыто каменными плитами (минимум 53 ямы).

Парных могильных ям, где хотя бы один из погребенных ребенок, насчитывается восемь. В них были похоронены дети разных возрастов, а также дети и взрослые. Дети были погребены вместе с женщинами, возрастом от

17 до 35 лет. Зафиксировано парное захоронение одновозрастных детей 7–8 лет из могильника Скворцовский (курган 3, яма 19), где дети были уложены в «позе объятий».

Дети также «входили в состав» двух тройных захоронений, в одном случае ребенок был погребен вместе с двумя женщинами.

Инвентарь детских погребений крайне скромнен. Большинство детей были захоронены только с посудой, в 11 погребениях никаких сохранившихся артефактов не было. Большинство инвентаря представлено украшениями, в основном пастовыми бусинами. Второй по встречаемости категорией являются астрагалы. В детских погребениях срубной культуры в единичных случаях были также обнаружены такие предметы, как наконечники стрел, бронзовый серп, каменная булава.

Перейдем к анализу погребального инвентаря по возрастным категориям. Как уже отмечалось выше, в изученных могильниках 178 индивидов были определены антропологически как «дети», но точный возраст смерти был установлен лишь для 146 скелетов. Сперва дадим характеристику расширенной выборки (178 индивидов).

Погребения без инвентаря. 118 детей из этой выборки были захоронены лишь с посудой (66,3%), 11 не сопровождалась никакими предметами. Кроме того, 17 захоронений были разрушены или ограблены, инвентаря в них не сохранилось, но не исключено, что он мог быть. 41 умерший принадлежал к младшей (0–2 года) возрастной группе (34,7%), 46 – старшей (2–10 лет) (39,0%), и еще шесть (5,1%) умерли подростками (10–15 лет). Остальные 25 (21,2%) детских скелетов не имеют точного определения возраста из-за плохой сохранности костей. Возможно, они также относились в своем большинстве к младшей возрастной группе.

Погребения, содержавшие предметы (табл. 1). Лишь 43 захоронения содержали погребальный инвентарь. 13 (30,2%) умерших принадлежали к младшей возрастной группе, 19 (44,2%) – к старшей, четверо (9,3%) – к подростковой. Для семи (16,3%) детей возраст не был определен из-за плохой сохранности. Большая часть погребенных была сопровождена украшениями, преимущественно бусинами. Посуда не была поставлена лишь в одном случае.

Теперь рассмотрим распределение предметов внутри возрастных категорий (146 индивидов).

Младшая возрастная группа (0–2 года) – 59 детей, 41 (69,5%) индивид из них захоронен только с посудой, и в трех случаях (5,1%) инвентаря не было совсем. В погребения этой возрастной группы почти не клали пред-

меты. Иные, чем посуда, артефакты, были обнаружены в 15 (25,4%) могильных ямах. В 11 захоронениях встречены бусины, как правило, в области челюсти или головы. Возможно, они украшали ворот или головной убор умершего ребенка. Кроме бусин, в одном случае была найдена речная галька, в одном – четыре астрагалы, и еще в одном – два просверленных клыка животного. Редкой для погребения такого маленького ребенка находкой можно назвать два костяных наконечника стрелы в яме 3 кургана 11 могильника Каменный Амбар-5 (возраст: 1,5–2 года). В 18 могильных ямах было поставлено по два сосуда.

Старшая возрастная группа: дети от 2 до 10 лет. 73 индивида. В 44 (68,5%) погребениях была лишь керамическая посуда, в шести (8,2%) не было обнаружено никакого инвентаря. Инвентарь был обнаружен в 23 (31,5%) погребениях. Шесть погребений содержали бусины, но, кроме них, из украшений появляются подвески в полтора оборота (четыре случая), бронзовый браслет (один случай). В шести захоронениях были найдены астрагалы. В.В. Цимиданов рассматривает «лиц, погребенных с астрагалами, как слугителей культа» (Цимиданов, 2004, с. 78). Оставив вопрос об основаниях такой интерпретации для срубных комплексов, отметим, что, согласно нашей базе данных, в Приуралье и Зауралье все погребения с астрагалами принадлежали детям и подросткам (15 могильных ям). Аналогичную ситуацию отмечает А.И. Юдин для Среднего Поволжья (Юдин, 2010, с. 220). Известно, что астрагалы использовались в качестве атрибутов игры с глубокой древности до наших дней, и это хорошо подтверждается историческими и этнографическими источниками (см. подробнее: Епимахов, Берсенева, 2015). Кроме вышеперечисленных предметов, в двух могильных ямах были

Таблица 1

Взаимосвязь сопроводительного инвентаря и возраста смерти детей

Категории сопроводительного инвентаря	Количество детей	Возраст детей (в годах)
Каменная булава	1	9 – 10
Бронзовый серп	1	?
Бусина	21	от 0 до 8
Астрагал	15	от 3 до 14
Бронзовый браслет	4	от 8 до 11
Наконечник стрелы	3	от 2 до 7
Костяное изделие	1	9 – 10
Каменное пряслице	1	6
Подвеска 1,5 оборота	4	от 5 до 8
Речная галька	1	0 – 0.5
Клык животного	2	7 – 8

обнаружены наконечники стрел, а в одной – каменное навершие булавы. В 13 могильных ямах было поставлено по два сосуда.

«Подростки» (10–15 лет). Эта возрастная группа представлена наименьшим количеством индивидов – всего 14. В шести (42,9%) захоронениях инвентарь представлен только посудой, в двух случаях нет и посуды (14,2%). Артефакты, иные, чем керамика, обнаружены лишь в шести захоронениях (42,9%). Бусины исчезают как украшение. В одном случае на руку погребенной (?) было надето два бронзовых браслета. В двух могильных ямах найдены астрагалы, в одной каменный скребок, костяная трубочка. В трех ямах находилось по два сосуда.

Далее сопроводительный инвентарь был поделен на четыре категории («ансамбля», см. подробнее: Берсенева, 2011): (1) погребения без сохранившегося инвентаря; (2) погребения только с гендерно-нейтральным инвентарем (посуда, астрагалы, гальки, клыки животных и т. д.); (3) погребения с предметами, которые могли символизировать мужской гендер (наконечники стрел, булава, бронзовые ножи, пряжки из раковины); (4) погребения с предметами, маркирующими женский гендер (преимущественно украшения: бусины, подвески в 1,5

оборота, браслеты и т. д.). Каждому погребенному был присвоен один из четырех «ансамблей». По результатам изучения была составлена гистограмма (рис. 1).

При рассмотрении гистограммы становится очевидным, что процент детей, захороненных с гендерно-окрашенным инвентарем, почти не повышается с возрастом. Во всех возрастных группах полностью доминируют захоронения с гендерно-нейтральным инвентарем. Погребения маленьких детей (0–2 года) почти не содержали предметов, за исключением украшений одежды и посуды. Наиболее разнообразным является инвентарь старшей детской возрастной группы (от 2 до 10 лет). Сложно судить с уверенностью о подростковой категории из-за ее малочисленности, но слабая тенденция к росту количества погребений с инвентарем все же прослеживается.

Обсуждение

Представляется интересным сравнить полученные нами результаты по срубным могильникам Южного Урала с памятниками других регионов. Формат статьи не позволяет обсудить все исследования. Системная работа была проделана В.В. Цимидановым (2008) и М.А. Балабановой (Балабанова, 2018). В.В. Цимидановым был изучен огромный массив данных –

1122 захоронения срубной культуры, «выявленных на территории от Приуралья до Поднепровья» (Цимида-нов, 2008, с. 6). Автор разделил захоронения на три большие возрастные группы: (1) от рождения до 7 лет, (2) от 7 лет до 17/20 лет; (3) от 17/20 лет, и далее третью группу (взрослых) он разделил еще на две подгруппы (там же, с. 16). Первые две интересующие нас группы, таким образом, оказались чересчур крупными, чтобы проследить динамику взросления детей. Анализ В.В. Цимиданова основывался на идентификации «избыточного» инвентаря или погребальных сооружений, то есть автор исследовал не столько возрастную структуру общества, сколько вертикальную. Наконец, возрастным группам не была дана характеристика в социальных терминах, то есть неясно, отражали ли они какие-либо общественные группы, существовавшие в срубных коллективах. Все это затрудняет соотнесение наших результатов с выводами В.В. Цимиданова.

Исследование М.А. Балабановой удачно сочетает археологические и естественно-научные методы. Автор выделила четыре детские возрастные группы: (1) 0–1 год – младенчество; (2) 1–4 лет – раннее детство; (3) 5–9 лет – второе детство; (4) 10–14 лет – подростки – и дала социальную интерпретацию выделенным группам (Балабанова, 2018, с. 255). Первые две группы различаются, по сути, только содержанием сосудов. В младшей, согласно анализам, в сосудах находилась преимущественно вода, тогда как во второй группе появляется «каша» и «мясомолочный продукт». По достижении возраста третьей группы, как полагает автор, могла начинаться гендерная социализация, поскольку в погребениях появляются украшения и «увеличивается доля кухонной посуды» (там же). В целом выводы, полученные М.А. Балабановой по Ниж-

нему Поволжью, хорошо согласуются с данными по памятникам Южного Урала. Однако, как будет показано ниже, факт присутствия или количества погребального инвентаря не коррелирует с возрастом напрямую, а, по-видимому, отражает какую-то более сложную закономерность.

Социализация детей в срубном обществе. Выводы

Вопрос о социализации детей в срубных обществах особенно труден для изучения. Отсутствие какого бы то ни было сопроводительного инвентаря в двух третях детских погребений и, более того, в двух третях могильных ям взрослых препятствует нашим попыткам реконструировать этапы социального взросления в срубном коллективе. Однако некоторые выводы могут быть сделаны.

Можно констатировать, что дети самой младшей возрастной группы (0–2 года) (группа 1) погребались лишь с посудой или вообще без артефактов, и только некоторые дети – с украшениями в виде бусин, то есть, скорее всего, просто в одежде. Таким образом, очевидно, что дети этого возраста еще не имели гендера в срубном обществе, или же он маркировался только одеждой. После достижения 2–3-летнего возраста инвентарь становится более разнообразным, но процент детей, погребенных с ним, возрастает незначительно. С наступлением подросткового, а затем и взрослого возраста процент погребений с инвентарем (иным, чем посуда) несколько возрастает, но в целом незначительно. Группа 2 (от 2–3 до 10 лет) объединяла детей, находившихся на различных стадиях социализации – гендерной, трудовой, возможно, они перенимали навыки охоты или военного дела, участвовали в ритуалах. Между 10 и 15 годами (группа 3) процесс социализации, очевидно, в основном завершился.

Реконструкция гендерной социализации возможна лишь в самых общих чертах и может быть прослежена лишь для женского гендера. Дети до 2 лет погребались с гендерно-нейтральным инвентарем или без него и еще не имели гендера. С 5–8 лет (см. табл. 1, рис. 1) у некоторых девочек (?) появляются металлические украшения – подвески в 1,5 оборота и браслеты. Но процент их ничтожен: украшения встречены в девяти погребениях (12,3%) из 73. Однако у молодых женщин (15–35 лет) процент погребений с украшениями приближается к 50%. Поэтому тенденция увеличения количества этих погребений и, следовательно, маркирования гендера умершего с возрастом все же проявляется. Далее количество украшений резко снижается в погребениях женщин возрастом старше 35 лет.

Мальчиков, как и мужчин, в срубных коллективах обычно хоронили без инвентаря. Но им, вероятно, могли принадлежать шесть погребений с астрагалами и без украшений (дети от 3 до 8 лет), а также с наконечниками стрел (три случая, от 2 до 8 лет) и навершием булавы (ребенок 9–10 лет). Нужно отметить, что в погребениях

взрослых на анализируемых памятниках наконечников стрел не найдено. Наверший булавы обнаружено два экземпляра, и одно из них, как было сказано выше, – в детском захоронении. Остается заключить, что процесс гендерной социализации мальчиков почти не нашел отражения в погребальных памятниках.

Что касается трудовой социализации, то в некрополях срубной культуры крайне мало орудий труда. Они представлены единичными бронзовыми ножами и шильями, серпом, несколькими пряслицами. Совершенно отсутствуют каменные орудия, очень редки костяные изделия. Однако на срубных поселениях орудия труда представлены в полной мере (Порохова, 1989, рис. 4–5; Гарустович, Котов, 2007, рис. 4; Купцова, Файзуллин, 2012, рис. 22–24 и т. д.). Думается, приучение детей к труду осуществлялось с раннего возраста, как и во всех коллективах с традиционным укладом хозяйства, и в соответствии с гендером ребенка. Свидетельства приобщения детей к керамическому производству можно найти в поселенческих материалах изучаемого периода (Берсенева, Куприянова, Берсенева, 2014).

ЛИТЕРАТУРА

1. Балабанова М.А. Детские погребения срубной культурно-исторической общности как объект междисциплинарного исследования // *Stratum Plus*. 2018. № 2. С. 245–258.
2. Берсенева Н.А. Социализация детей как одно из направлений социокультурной адаптации в древних обществах (по материалам синташтинской культуры) // *Уральский исторический вестник*. 2010. № 2. С. 38–45.
3. Берсенева Н.А. Социальная археология: возраст, гендер и статус в погребениях саргатской культуры. Екатеринбург: изд-во УрО РАН, 2011. 214 с.
4. Берсенева Н.А., Епимахов А.В. Продолжение раскопок могильника Каменный Амбар-5 в 2014–2015 гг. // *Археологические открытия 2017 года* / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2019. С. 401–402.
5. Берсенева Н.А., Куприянова Е.В., Берсенева А.Г. Следы детства. Поиск детей в археологическом источнике и изучение керамических артефактов (эпоха бронзы Южного Зауралья) // *Вестник НГУ. Серия: история, филология*. 2014. Т. 13. Вып. 3. С. 88–100.
6. Богданов С.В. Комиссаровский некрополь // *Некрополи на Каргалах; население Каргалов: палеоантропологические исследования* / Каргалы. Т. IV / Сост. и науч. ред. Е.Н. Черных. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 70–99.
7. Бужилова А.П. Общая демографическая характеристика изученных серий (Глава 6) // *Каргалы. Т. IV. Некрополи на Каргалах; население Каргалов: палеоантропо-*

логические исследования. исследования / Сост. и науч. ред. Е.Н. Черных. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 134–138.

8. *Гарустович Г.Н., Котов В.Г.* Таналыкское I поселение // УАВ. Вып. 6–7. Уфа: Гилем, 2007. С. 32–49.

9. *Горбунов В.С., Морозов Ю.А.* Некрополь эпохи бронзы Южного Приуралья. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1991. 160 с.

10. *Епимахов А.В., Берсенева Н.А.* Номо Ludens бронзового века Южного Урала (игры и игрушки) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2–6 (62). С. 24–28.

11. *Исмагил Р., Морозов Ю.А., Чаплыгин М.С.* Николаевские курганы («Елена») на реке Стерля в Башкортостане. Уфа: ДизайнПолиграфСервис, 2009. 240 с.

12. Каргалы. Т. IV: Некрополи на Каргалах; население Каргалов: палеоантропологические исследования / Сост. и науч. редактор Е.Н. Черных. М.: Языки славянской культуры, 2005. 240 с.

13. *Крюкова Е.А., Евгеньев А.А., Кушцова Л.В., Матюшко И.В.* Комплексы позднего бронзового века Плешановского II курганного могильника // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 10 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2012. С. 112–134.

14. *Кушцова Л.В., Файзуллин И.А.* Родниковое поселение позднего бронзового века в Западном Оренбуржье // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 10 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2012. С. 70–100.

15. *Луайе Ж., Шаранова С.В.* Палеопатологии детей из погребений бронзового века (на примере могильника Неплюевский) // Уральский исторический вестник. 2017. № 1. С. 103–112.

16. *Моргунова Н.Л.* Могильник Уранбаш-южный (Глава 4) // Каргалы. Т. IV. Некрополи на Каргалах; население Каргалов: палеоантропологические исследования. исследования / Сост. и науч. ред. Е.Н. Черных. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 100–125.

17. *Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Дегтярева А.Д., Евгеньев А.А., Кушцова Л.В., Салугина Н.П., Хохлова О.С., Хохлов А.А.* Скворцовский курганный могильник. Оренбург: изд-во ОГПУ, 2010. 160 с.

18. *Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Евгеньев А.А., Котов Е.П., Кушцова Л.В., Салугина Н.П., Хохлова О.С., Хохлов А.А.* Лабазовский курганный могильник срубной культуры. Оренбург: изд-во Оренбургского гос. пед. ун-та, 2009. 98 с.

19. *Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Евгеньев А.А., Крюкова Е.А., Кушцова Л.В., Рослякова Н.В., Салугина Н.П., Турецкий М.А., Хохлов А.А., Хохлова О.С.* Боголюбовский курганный могильник срубной культуры в Оренбургской области. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2014. 172 с.

20. *Порохова О.И.* Срубно-алакульское Покровское поселение в Западном Оренбуржье // Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Приуралья и Нижнего Поволжья / Ред. Ю.А. Морозов, А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1989. С. 60–71.

21. *Цимиданов В.В.* Социальная структура срубного общества. Донецк: Ин-т археологии НАН Украины, 2004. 204 с.

22. *Цимиданов В.В.* Возрастная стратификация общества срубной культуры // Матеріали та дослідження з археології Східної України: від неоліту до киммерійців: Збірник наукових праць / за ред. С.М. Санжарова. № 8. Луганськ, 2008. С. 1–31.

23. *Цимиданов В.В.* Орнаментация керамики срубной культуры: социальный и половозрастной аспект // Археологический альманах. № 21 / Гл. ред. А.В. Колесник. Донецк: Бытсервис, 2010. С. 120–139.

24. *Юдин А.И.* Социальная структура срубного общества на втором этапе развития (по материалам могильника Новопокровка 2) // Археологические памятники Саратовского Правобережья: от ранней бронзы до средневековья (по материалам исследований в 2005–2006 гг.) / Ред. А.И. Юдин. Саратов: Научная книга, 2010. С. 214–231.

25. *Chamberlain A.T.* Demography in Archaeology. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 235 p.

26. *Lewis M.* The Osteology of Infancy and Childhood: misconceptions and potential. In (Re) Thinking the Little Ancestor: New Perspectives on the Archaeology of Infancy and Childhood / eds. M. Lally and A. Moor. BAR International Series 2271. Oxford: Archaeopress, 2011. P. 1–13.

27. Murphy E.V. and Khokhlov A.A. A Bioarchaeological Study of Prehistoric Populations from the Volga Region. In *A Bronze Age Landscape in the Russian Steppes. The Samara Valley Project* / eds. D.V. Anthony, D.R. Brown, O.D. Mochalov, A.A. Khokhlov and P.F. Kuznetsov. UCLA Cotsen Institute of Archaeology Press, 2016. P. 149–216.

Информация об авторе:

Берсенева Наталья Александровна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия); bersnatasha@mail.ru

**CHILDREN'S BURIALS OF THE SRUBNAYA CULTURE
IN THE SOUTHERN URALS. RESEARCH IN THE AGE GROUPS
AND STAGES OF CHILDREN SOCIALIZATION**

N.A. Berseneva

The study concerns children's burials of the Srubnaya culture (Bronze Age, the South Urals). The assumption that grave goods are related to the gender and age of the dead and may also reflect the stages of growing up of children and their inclusion in economic life (gender and labour socialization) was the theoretical basis of the research. A sample consisting of 178 anthropologically identified individuals who died before the age of 15 years was analyzed. This sample was divided into three age sub-groups in order to catch the dynamics in distribution of the grave goods in accordance to age and in order to identify the different stages of children's life course. The author's study demonstrated that children before 2 years old were mostly accompanied by gender-neutral grave goods (ceramic vessels) or were buried without any items. After this age grave goods become more diverse and numerous. It is possible to suggest that gender socialization in the Srubnaya society started around the age of two-three but female gender was marked more often than male. The study of age dynamics demonstrates that as the children grew older, the number of jewelry increased, while other items were still few in number. Labour socialization was not reflected in burial rite. The perspective of the study is seen in the extension of the source base and further analysis of artifacts, including ceramic material.

Keywords: archaeology, Southern Urals, Bronze Age, Srubnaya culture, children's burials, gender, age, socialization.

REFERENCES

1. Balabanova, M. A. 2018. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* 2, 245–248 (in Russian).
2. Berseneva, N. A. 2010. In *Ural'skiy istoricheskiy vestnik (Ural Historical Journal)* 2, 38–45 (in Russian).
3. Berseneva, N. A. 2011. *Sotsial'naya arkheologiya: vozrast, gender i status v pogrebeniyakh sargatskoy kul'tury (Social Archaeology: Age, Gender and Status in the Burials of the Sargat Culture)*. Ekaterinburg: Ural Branch, Russian Academy of Sciences (in Russian).
4. Berseneva, N. A., Epimakhov, A. V. 2019. In Lopatin, N. V. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 2017 g. (Archaeological Discoveries of 2017)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 401–402 (in Russian).
5. Berseneva, N. A., Kupriyanova, E. V., Bersenev, A. G. 2014. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology)* 13 (3), 88–100 (in Russian).
6. Bogdanov, S. V. 2005. In Chernykh, E. N. (ed.). *Kargaly. T. IV. Nekropoli na Kargalakh; naselenie Kargalov: paleoantropologicheskie issledovaniya (Kargaly. Vol. IV. Kargaly' necropolis: Kargaly population: palaeoanthropological investigations)*. Moscow: "Iazyki slavianskoi kul'tury" Publ., 70–99 (in Russian).
7. Buzhilova, A. P. 2005. In Chernykh, E. N. (ed.). *Kargaly. T. IV. Nekropoli na Kargalakh; naselenie Kargalov: paleoantropologicheskie issledovaniya (Kargaly. Vol. IV. Kargaly' necropolis: Kargaly population: palaeoanthropological investigations)*. Moscow: "Iazyki slavianskoi kul'tury" Publ., 134–138 (in Russian).
8. Garustovich, G. N., Kotov, V. G. 2007. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 6–7. Ufa: "Gilem" Publ., 32–49 (in Russian).
9. Gorbunov, V. S., Morozov, Yu. A. 1991. *Nekropol' epokhi bronzy Yuzhnogo Priural'ya (Necropolis of Bronze Age of Southern Cis-Urals)*. Ufa: "Bashkirskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

10. Epimakhov, A. V., Berseneva, N. A. 2015. In *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta (The Bulletin of Kemerovo State University)* 2–6 (62), 24–28 (in Russian).
11. Ismagil, R., Morozov, Yu. A., Chaplygin, M. S. 2009. *Nikolaevskie kurgany («Elena») na reke Sterlya v Bashkortostane (Nikolaevsky Barrows («Elena») on the Sterlya River in Bashkortostan)*. Ufa: “DizaynPoligrafServis” Publ. (in Russian).
12. In Chernykh, E. N. (ed.). 2005. *Kargaly. T. IV. Nekropoli na Kargalakh; naselenie Kargalov: paleoantropologicheskie issledovaniya (Kargaly. Vol. IV. Kargaly' necropolis: Kargaly population: palaeoanthropological investigations)*. Moscow: “Iazyki slavianskoi kul'tury” Publ. (in Russian).
13. Kryukova, E. A., Evgen'ev, A. A., Kuptsova, L. V., Matyushko, I. V. 2012. In Morgunova, N. L. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia (Archaeological Sites of Orenburg Region)* 10. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 112–134 (in Russian).
14. Kuptsova, L. V., Faizullin, I. A. 2012. In Morgunova, N. L. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia (Archaeological Sites of Orenburg Region)* 10. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 70–100 (in Russian).
15. Luaye, Zh., Sharapova, S. V. 2017. In *Ural'skiy istoricheskiy vestnik (Ural Historical Journal)* 1, 103–112 (in Russian).
16. Morgunova, N. L. 2005. In Chernykh, E. N. (ed.). *Kargaly. T. IV. Nekropoli na Kargalakh; naselenie Kargalov: paleoantropologicheskie issledovaniya (Kargaly. Vol. IV. Kargaly' necropolis: Kargaly population: palaeoanthropological investigations)*. Moscow: “Iazyki slavianskoi kul'tury” Publ., 100–125 (in Russian).
17. Morgunova, N. L., Gol'eva, A. A., Degtyareva, A. D., Evgen'ev, A. A., Kuptsova, L. V., Salugina, N. P., Khokhlova, O. S., Khokhlov, A. A. 2010. *Skvortsovskiy kurgannyi mogil'nik (Skvortsy Barrow Burial Ground)*. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, (in Russian).
18. Morgunova, N. L., Gol'eva, A. A., Evgen'ev, Kitov, E. P., Kuptsova, L. V., Salugina, N. P., Khokhlova, O. S., Khokhlov, A. A. 2009. *Labazovskiy kurgannyi mogil'nik srubnoy kul'tury (Labazy Barrow Burial Ground of the Srubnaya Culture)*. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University (in Russian).
19. Morgunova, N. L., Gol'eva, A. A., Evgen'ev, A. A., Kryukova, E. A., Kuptsova, L. V., Roslyakova, N. V., Salugina, N. P., Turetskiy, M. A., Khokhlov, A. A., Khokhlova, O. S. *Bogolyubovskiy kurgannyi mogil'nik srubnoy kul'tury v Orenburgskoy oblasti (Bogolyubovka Barrow Burial Ground of the Srubnaya Culture in Orenburg Region)*. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University (in Russian).
20. Porokhova, O. I. 1989. In Morozov, Yu. A., Pshenichnyuk, A. Kh. (eds.). *Materiyaly po epokhe bronzy i rannego zheleza Yuzhnogo Priural'ya i Nizhnego Povolzh'ya (Materials of the Bronze Age and Early Iron Age from the Southern Cis-Urals and Lower Volga Region)*. Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 60–71 (in Russian).
21. Tsimidanov, V. V. 2004. *Sotsial'naia struktura srubnogo obshchestva (Social Structure of the Srubnaya Society)*. Donetsk: Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine (in Russian).
22. Tsimidanov, V. V. 2008. In Sanzharova, S. M. (ed.). *Materiali ta doslidzhennya z arkeologii Shkidnoy Ukraini: vid neolitu do kimmeriytsiv (Materials and Studies on the Archaeology of Eastern Ukraine: from the Neolithic to the Cimmerians)* 8. Lugan'sk, 1–31 (in Russian).
23. Tsimidanov, V. V. 2010. In Kolesnik, A. V. (ed.). *Arkheologicheskii al'manakh (Archaeological almanac)* 21. Donetsk: “Bytservis” Publ., 120–139 (in Russian).
24. Yudin, A. I. 2010. In Yudin, A. I. (ed.). *Arkheologicheskie pamyatniki Saratovskogo Pravoberezh'ya: ot ranney bronzy do srednevekov'ya (po materialam issledovaniy v 2005–2006 gg.) (Archaeological Sites of the Saratov Right Bank: from the Early Bronze Age to the Middle Ages (Based on Study Materials of 2005–2006))*. Saratov: “Nauchnaya kniga” Publ., 214–231 (in Russian).
25. Chamberlain, A. T. *Demography in Archaeology*. Cambridge: Cambridge University Press.
26. Lewis, M. 2011. In Lally, M., Moor, A. (eds.). *(Re)Thinking the Little Ancestor: New Perspectives on the Archaeology of Infancy and Childhood*. BAR International Series 2271. Oxford: Archaeopress, 1–13.
27. Murphy, E. V., Khokhlov, A. A. 2016. In Anthony, D. V., Brown, D. R., Mochalov, O. D., Khokhlov, A. A., Kuznetsov, P. F. (eds.). *A Bronze Age Landscape in the Russian Steppes. The Samara Valley Project*. UCLA Cotson Institute of Archaeology Press, 149–216.

About the Author:

Berseneva Natalia A. Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences. S. Kovalevskaya St., 16, 620108, Ekaterinburg, Russian Federation; bersnatasha@mail.ru

Статья принята в номер 01.12.2021 г.